
НАУЧНЫЕ
ОБСУЖДЕНИЯ

**ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ**

© 2009 г. К. Х. Зоидов
(Москва)

Обсуждаются вопросы применения эволюционного подхода к проблемам современной практики рыночных преобразований и их значение для развития экономической теории в странах СНГ. Показано, что в переходной экономике именно конкуренция во всех сферах хозяйствования создает бесчисленное множество неравновесных процессов. На этой основе сделаны выводы и предложения по совершенствованию системы антикризисного регулирования в современный период.

ВВЕДЕНИЕ

В естественных науках под влиянием работ И. Пригожина стало модно представлять неравновесные процессы как своего рода двигатели эволюции, авангардные структуры, активизирующие формирование порядка из хаоса. Так, в известной книге (Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 54) прямо опровергается отождествление равновесия с порядком и постулируется в качестве общепригодной закономерности переход от теплового хаоса к порядку в сильно неравновесных условиях, возникновение новых динамических состояний материи, определяющих дальнейшее эволюционирование материальных систем различного уровня. На основе такого подхода наметился разрыв с прежним представлением о равновесии как источнике гармонии, стабильности и порядка в Природе.

Конечно, на определенном уровне природных взаимодействий именно равновесие, приняв форму симметрии, кругооборота или колебательного ритма протекания процессов, обеспечивает устойчивость предпосылок эволюции. Тенденция к уравниванию различных разнонаправленных и противоположно действующих процессов во Вселенной связана с законом всемирного тяготения и рядом других универсальных закономерностей существования нашей Метагалактики. В известной мере на этой тенденции зиждется качественная определенность и структурная устойчивость объектов неживой и живой природы. Поиск пищи живыми организмами тоже можно интерпретировать как установление равновесия с окружающей средой наряду со многими другими важнейшими биологическими процессами. При этом, однако, нужно иметь в виду, что стремление к равновесию является следствием постоянного неравновесия в самих организмах и их взаимоотношениях со средой.

Огромную роль равновесие играет и в общественных процессах. Регулярный общественный порядок, постоянно поддерживаемый в каждой цивилизации и составляющий основу всякого цивилизованного общества, также базируется на равновесии различных общественных сил и тенденций. Но стабильность чересчур долго удерживаемого равновесия приводит рано или поздно общество к застою. Поэтому для создания социальных инноваций и движения вперед по эволюционному пути требуется на время вывести его из равновесия. Но после укоренения той или иной инновации снова наступает состояние равновесия — устойчивого или неустойчивого — в зависимости от конкретных обстоятельств общественной жизни.

Неравновесные процессы в общественной жизни возникают, как и в природе, сплошь и рядом. В значительном большинстве случаев они являются источниками нарушения общественного порядка (или порождениями беспорядка). Это — своего рода вулканические извержения социальной энергетики, через которые хаос накопившихся в обществе конфликтов и напряжений прорывается сквозь структуру поддержания упорядоченности общественных отношений. Однако само проявление неупорядоченности и неуравновешенности общественных отношений настоятельно требует нового порядка, пересмотра и нового равновесия этих отношений — создает давление гражданского общества на государство и людей, облеченных властью, которое побуждает их проводить реформы.

Возникший в сильно неравновесных условиях общественный порядок требует дальнейшей трансформации и реформирования для достижения нового равновесия. Что касается преград, которые революции убирают с пути развития новых классов и общественных отношений, то это касается исключительно революций буржуазно-демократических, да и то — для устранения разрушительных последствий революционного кризиса требуется значительный период времени, и когда проявляются сильные колебания тенденций, включая периоды реставрации, новые революционные кризисы, смены конституционно-правовых систем и т.д.

При этом следует иметь в виду, что никакой общественный порядок нельзя создать путем “строительства” запроектованных социальных институтов. Новые институты должны “врас-ти” в конкретную жизнь людей, порядок должен выкристаллизоваться и вызреть, преломиться через конкретную практику человеческих взаимоотношений.

Новый порядок (будучи результатом “взрывных”, неравновесных процессов) может начать обеспечивать общественный прогресс не раньше, чем придут в равновесие вызванные им к жизни общественные отношения. Поэтому созидательная роль неравновесных процессов может проявиться лишь в условиях нового равновесия. Отсюда — необходимость постоянно учитывать консервативную составляющую в процессе преобразований.

Таким образом, неравновесные процессы могут выступать в качестве движущей силы эволюции лишь постольку, поскольку выход из равновесия служит импульсом к созданию нового равновесия, допускающего и предполагающего более динамичное развитие в новом равновесном состоянии.

Аналогичную роль играет равновесие и в сфере экономики. В экономической науке наблюдается отставание от других сфер научного познания при выявлении роли неравновесных процессов для общего хода эволюционных изменений (Костюк, 2001, 2004).

Причиной этого отставания является длительное доминирование теории экономического равновесия. В настоящее время среди ученых-экономистов распространяется убеждение в ограниченности этой теории, ее несовпадении с реальным состоянием дел. “Теория общего экономического равновесия, — пишет по этому поводу В. Макаров, — которая в настоящее время доминирует как в науке, так и в экономическом образовании, как известно, не вполне согласуется с реальностью...” (Макаров, 1995, с. 118). Далее В. Макаров указывает на несовпадение теории с наблюдающимися в реальном экономическом мире огромными различиями в эффективности и прибыльности различных субъектов рыночной экономики — фирм, отраслей, регионов и т.д. С точки зрения теории равновесия, эти различия должны были бы снижаться и исчезать по мере перелива капитала и труда в наиболее эффективные области их приложения, вследствие чего менее эффективные конкуренты должны исчезать с рынка или поглощаться наиболее эффективными. На деле же происходит как раз наоборот: разнообразие и разброс в эффективности не только не исчезают, но даже последовательно возрастают (Макаров, 1995, с. 117–118).

В. Маевский не только оспаривает положение о деструктивности неравновесных процессов в экономике, которую можно и нужно преодолевать посредством государственного регулирования или рыночного саморегулирования, но и убедительно обосновывает оригинальную концепцию упорядочивающего действия этих процессов в их сочетании с состояниями равновесия (Маевский, 1999, с. 45).

Анализируя равновесия спроса и предложения, В. Маевский отмечает, что величина спроса зависит не только от уровня доходов, процентных ставок и текущих цен, но и в первую очередь от реальных потребностей людей в товарах и услугах. При этом все предприниматели, планируя свой бизнес на перспективу, в условиях неизвестности будущих текущих цен ориентируются именно на превышение реального спроса над реальным предложением, т.е. на возникновение неравновесного процесса (Маевский, 1999, с. 49).

Таким образом, В. Маевский отнюдь не отвергает основные выводы классической теории равновесия, он лишь предлагает дополнить ее эволюционным подходом, учитывающим неравновесные процессы и их воздействие на рыночное равновесие. Состояния статистического равновесия создают финансовые условия для возникновения неравновесных процессов. Так, предприниматели получают прибыль в каждый текущий период, продавая свои товары и услуги по равновесным ценам. Но использование полученной прибыли в сферах приложения капитала, сулящих повышение прибыли, заставляет финансировать неравновесные процессы (Маевский, 1999, с. 50).

В экономике, как и в биологии, таким двигателем выступает конкуренция. Некий аналог конкуренции между избыточно возникающими структурами действует и в неживой природе. На-

пример, сохранение порядка в структурах твердых тел возможно лишь на основе поступления в них определенных энергетических и других материальных ресурсов, количество и качество которых всегда ограничено. Перестройка молекулярных структур, обеспечивающая синергетическое (самоорганизующееся) возникновение порядка из хаоса, происходит лишь при наличии определенного уровня подаваемой извне энергии. Предрасположенность к самоорганизации, избирательному усложнению структур и отбраковке неустойчивых структурных образований создает в неживой природе одну из важнейших предпосылок к образованию живой материи (Князева, Курдюмов, 2005).

В живой природе, в обществе, в рыночной среде (Портер, 2001) именно конкуренция на всех уровнях существования создает бесчисленное множество неравновесных процессов, которые в массе своей уравниваются альтернативными процессами.

Все это придало высокую актуальность предпринятому нами исследованию и предопределило его цель: выявление возможностей эволюционного подхода к практике рыночных преобразований и его значения для развития теории экономической науки в странах СНГ (Зоидов, 2003, 2004, 2005).

1. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ НАУКИ

Эволюционный подход развивался в конкретных науках и на общественном уровне со второй половины XIX в., он достиг значительных успехов в объяснении различных феноменов природы и общества, в формировании и эволюции научного мировоззрения.

В научной литературе стало уже общеизвестным утверждение, что термин “эволюционный” используется для характеристики класса теорий, моделей или доказательств, которые обладают рядом специфических свойств и прежде всего — нацеленностью на объяснение изменения чего-либо во времени, анализ того, почему что-либо является тем, чем оно является и как оно стало таким, каковым является в данный момент времени. Но такая узкая конкретно-научная точка зрения не охватывает всего многообразия эволюционизма как системы объяснения феноменов природы, общества и психики человека. Эволюционизм — методолого-мировоззренческая основа человеческого познания, а воссоздание хода эволюции является конечной целью познания и свидетельствует о его относительной завершенности.

Термин “эволюция” уже по своему происхождению от латинского слова *evolutio*, которое можно перевести как “развертывание”, связан с представлениями о разворачивании во времени и пространстве неких внутренних источников, обуславливающих протекание тех или иных процессов, выступающих как причины различных явлений природы, общества или психики человека. Само понятие эволюции нацеливает мировоззренческую основу человеческого познания на поиск источников процессов и явлений окружающего мира внутри самого этого мира, а не в неких проявлениях творческой воли антропоморфных существ, наделенных сверхъестественным могуществом и статусом божеств. Эволюционизм, таким образом, представляет собой способ объяснения мира, альтернативный креационизму (от лат. *creatio* — создание, творчество), согласно которому мир в целом, обнаруживаемые в нем процессы и явления объясняются творческими системами и управленческими решениями внемировых существ — единого Бога, пантеона богов или каких-либо других духовных субстанций. По своим мировоззренческим истокам понятие эволюции связано с признанием в философии так называемой “самопричины” бытия (*causa sui*), т.е. внутреннего источника саморазвития всего существующего. Понятие самопричины, сформулированное голландским философом Б. Спинозой, послужило и мировоззренческим источником для выработки понятия эволюции, впервые появляющегося в произведениях просветителей XVIII в.

Сама этимология слова “эволюция”, его происхождение от слова, обозначающего “развертывание”, предопределили его глубокую внутреннюю взаимосвязь с понятием “вращение”, представлениями о циклическом характере изменений, непрямолинейном ходе эволюционных процессов и многократном возвращении в новом качестве к предшествующим состояниям эволюционирующих объектов.

Понятие эволюции как “развертывание”, “разворачивание” процессов соотносимо по смыслу с понятиями “развитие”, “изменение”, “прогресс”, “историзм”, а также с понятием “революция”, причем в словах, обозначающих понятия “развитие” и “революция” (от лат. *revolutio* — переворачивание, переворот), также имеется смысловая связь с понятием “вращение”. Вращение, развертывание, оборачивание, переворачивание, прохождение витков не случайно представляют мыслительную модель, лежащую в основе понятия эволюции. Эволюция всегда циклична, а

слово “цикл” также обозначает “круг”. Цикличность перемен в природе, обществе и человеческой жизни с древних времен в восточной традиции в символической форме выражалась в виде змеи, кусающей свой хвост. Этот символ исходит из очень глубокого и по своей сути эволюционного представления о связи конца с началом, о кругообороте перемен, о превращении одних элементов бытия в другие, о стадийности и периодичности во всех изменениях и превращениях. Кстати, слова “превращение” и “период” также содержат в себе представление о вращении и цикличности перемен. Но символическое построение мыслительных конструкций на основе представления о круговращении перемен отражает лишь зачатки эволюционного мышления. Эволюционное мировоззрение и эволюционный подход в конкретной науке могли возникать и развиваться лишь на уровне достаточно зрелого развития науки, на котором она обрела способность системно отображать эволюционные процессы.

Соотнесение понятия “эволюция” с понятиями “изменение”, “развитие” и “процесс” является объектом постоянных споров между философами, склонными либо расширительно, либо, наоборот, суженно трактовать эти понятия, вследствие чего одни выступают как частные проявления других, более общих. Причиной подобных дискуссий выступают реальная текучесть этих понятий, разнообразие подходов к их применению, неопределенность и подвижность границ их истолкования во взаимодействии с другими понятиями. В самом деле, понятие “эволюция” может рассматриваться как всеохватная общенаучная категория, поскольку все в мире так или иначе эволюционирует, находится в процессе эволюционного изменения, нет ничего во Вселенной, что не было бы частью мирового эволюционного процесса. В этом смысле существовать — значит эволюционировать в широком смысле этого слова.

Таким образом, следует различать эволюцию в широком и в узком смысле, и именно неразличение этих смыслов приводит к методологической путанице в определении понятий. Эволюция в широком смысле охватывает изменения вообще, в узком же смысле можно выделить изменения эволюционные и неэволюционные. Реальная система может эволюционировать, изменяясь по восходящей линии, а может — деградировать, находиться в кризисе, изменяться по нисходящей линии, наконец, вырождаться, стариться, идти к гибели и умирать. Для данной системы и в рамках ее эволюция заканчивается, но в рамках подобных систем и в более широком смысле она продолжается именно через цепь смертей и рождений новых систем.

Эволюция в широком смысле включает и деградацию, и изменение по нисходящей линии, и кризисные состояния, и распад систем, а эволюция в узком смысле им противопоставлена и происходит по мере их преодоления. Продолжить линию эволюции — значит преодолеть факторы, стоящие у нее на пути, препятствующие ее нормальному ходу, — обеспечить перевес созидательных факторов над разрушительными, деструктивными. В этом смысле понятие “эволюция” максимально сближается с понятием “развитие”. Реализация потенциалов, заложенных в самой системе, обеспечивает ее развитие. Развитие есть форма эволюции, обеспечивающая эволюционный подъем, переход от низших уровней эволюции к высшим, от простых и примитивных норм к более сложным и высокоорганизованным. В этом смысле развитие связано с прогрессом системы, ее прогрессивным эволюционированием, предполагающим усовершенствование ее структуры, повышение степени упорядоченности и жизнеспособности. Достижение более высокого уровня развития может сопровождаться экспансией системы во внешнюю среду, ее агрессивным поведением.

Прогресс системы выражается в создании более развитого порядка, который предполагает наличие четкой организации и повышение степеней свободы выбора тех или иных форм упорядочения при реагировании на внешние воздействия. Вместе с тем всякое развитие требует дополнительных затрат энергии, которую на определенных стадиях развития система получает за счет преимуществ более развитой организации или подпитки из внешних источников энергии. Но затем повышенное энергопотребление начинает истощать систему, а повышенная активность — старит ее структуры и формы организации. Тем самым само развитие оказывается одной из существенных предпосылок дальнейшего регресса системы, так сказать “эволюции вспять”. Отсюда — кругообразный характер развития, его возврат к предшествующим состояниям, несостоятельность теорий прямолинейного прогресса. В то же время регресс системы не является фатальным и линейным следствием ее предшествующего прогрессивного развития, он может быть преодолен путем обновления системы, достижения ею нового уровня развития, обеспечения реструктуризации ее структуры и ее реорганизации.

По характеру развития различают экстенсивно и интенсивно развивающиеся системы; первые черпают энергию и ресурсы развития за счет более широкого использования ресурсного потенциала на нужды развития, а вторые — на основе внутреннего ресурсного потенциала, выраба-

тываемого в процессе прогрессивного развития. Прогресс в развитии обеспечивает дополнительное и резкое ускорение хода эволюции и переход от низших ступеней эволюции к высшим.

Критерием прогресса эволюционного развития в современной науке считается не только усложнение организации, но и более высокая организация в широком смысле — как создание или усовершенствование эволюционно-целесообразного порядка, включающего более свободную организацию, наличие большего разнообразия степеней свободы каждого из структурных элементов. Упорядоченность свободы и свобода упорядочения выступают как важнейшие стимулы прогрессивного развития, а порядок в органическом соединении со свободой — как важнейшие его критерии.

Фундаментальные работы И. Пригожина вскрыли глубинную субстанциональную основу эволюционных процессов, заключающуюся в порождении порядка из хаоса. Тем самым на базе современной физической теории энтропии была обоснована общенаучная концепция эволюции, которая может рассматриваться как продолжение и развитие ранних эволюционных представлений о возникновении космоса из хаоса.

Такие представления содержались в мифологии различных народов и цивилизаций. Самым причудливым образом они соединились с креационистскими представлениями о сотворении мира божественными существами. Так, древние вавилоняне и китайцы считали первичным актом упорядочения хаоса отделение неба от земли, древние персы — зороастрийцы — разделение добра и зла. Древнееврейская Библия описывает первичный хаос на земле, которая была “безвидна и пуста”, а упорядочивающее начало относится к слову всемогущего Творца Вселенной. Мифология древних греков изображала космос именно как некую упорядоченность, представляя последнюю по аналогии со строем войска, изготовившегося к битве. Этот строй, фаланга, рассматривался как альтернатива хаосу толпы, не имеющей четко выраженной структуры и организации. Само понятие космоса, таким образом, основано на аналогии между структурностью звездных россыпей, видимых невооруженным глазом, и целенаправленной упорядоченностью войскового построения. Но за этой аналогией скрывается и другая, более глубокая, связанная с противопоставлением варварства и цивилизации. В построении фаланги отразилась упорядоченность эллинской цивилизации, тогда как варварские дружины воевали, как правило, без четко выраженных боевых построений или же строились отдельными отрядами.

Древние греки постоянно осознавали превосходство своей цивилизации над варварством именно как ряд эволюционно обусловленных преимуществ, выраженных в устойчивом общественном и политическом порядке, высокой и утонченной культуре, религии и т.д. Уже в этих представлениях подспудно содержалась догадка об эволюции как возвышении порядка. Аналогичные представления были и у древних китайцев, евреев и других народов. Так, понятие “язычник” происходит от древнееврейского слова, обозначающего народы, говорящие на непонятных языках и не верующие в единого Бога.

В поэме древнегреческого поэта Гесиода “Теогония” была сделана первая попытка системно объяснить происхождение Земли и Мироздания. Мифологический эволюционизм при всей своей наивности и креационистской направленности имел чрезвычайно важное значение в истории человеческого познания. Он был предшественником европейского философского эволюционизма и предтечей научного эволюционизма Нового времени. Именно в его рамках возникла первая в истории попытка создания космогонии, т.е. претендующего на достоверность объяснения истории образования Космоса и всего, что его наполняет.

Уже с тех давних времен несущим стержнем любых попыток обоснования элементов эволюционного мировоззрения был историзм мышления, т.е. осознание того, что все в мире имеет свою историю и должно быть объяснено путем раскрытия исторически обусловленных естественных закономерностей, а не в результате проявлений сверхъестественного могущества, чудесных возникновений и превращений. Последовательный эволюционизм заключается в представлении об исторически закономерном возникновении всего, что существует в мире, и исторически закономерной эволюции самого этого мира, универсума, Вселенной как целого.

Эволюционизм возник в XIX в. с созданием дарвиновского учения в качестве доказательной научной теории. Это учение оказалось эталоном, на базе которого стали формироваться эволюционные представления в других науках и научное мировоззрение в целом. В результате эволюционизм стал основой научного мировоззрения и его эволюции, опирающейся на новые открытия эволюционных факторов и процессов конкретными науками.

Созданию дарвиновской теории биологической эволюции предшествовала длительная и сложная эволюция изучения живых существ, наталкивавшего на размышления об историческом развитии жизни на Земле.

Важнейшей предшественницей теории эволюции стала систематика растений и животных, выраженная в их всеобъемлющей классификации. Эта классификация, созданная К. Линнеем, была абсолютно статична, она включала множество одновременно существующих классов, видов и т.д. живых существ, обнаруженных естествоиспытателями в различных регионах земного шара. Но сама эта статичность воспроизводила динамику возникновения и развития этих классов и видов, она побуждала ставить вопросы об их происхождении, т.е. о создании своего рода космогонии всего живого на Земле. Такая космогония и была создана в дарвиновском “Происхождении видов”.

Этот момент систематизации и упорядочения имеет судьбоносное значение для выработки любой эволюционной концепции. Где есть система, порядок, там просматривается и эволюция, поскольку эволюция есть не что иное, как история возникновения, развития и смены систем, образования порядка из хаоса, изменения этого порядка, его поглощения хаосом, смены одних порядков другими и их прогрессивного усовершенствования. Существеннейшая сторона эволюции заключается в самопроизвольном установлении порядка и системности. Поэтому и важнейшие успехи в изучении эволюции различных природных и социальных систем имеют в качестве фундаментальной предпосылки систематизацию и упорядочение знаний об этих системах.

Непосредственным предшественником Ч. Дарвина был Ж.-Б. Ламарк, сформулировавший концепцию, призванную объяснить механизм биологической эволюции. Главным недостатком ламарковской теории был прямой и непосредственный характер эволюционного развития через передачу по наследству приобретенных признаков, основанный на интуитивном представлении о прямолинейном прогрессе. Виды животных у Ламарка изменяются постепенно, шаг за шагом, путем прямого приспособления к среде, без конфликтов, колебаний, катастроф, а самое главное — без отбраковки непригодных к приспособлению особей и популяций, а значит, и без отбора наиболее приспособленных. В концепции Ламарка отсутствуют и случайности, подвергающие опасности выживание живых существ в процессе приспособления. Виды эволюционируют чисто динамически, в духе лапласовского механистического детерминизма, который был популярен в то время в естественно-научном мировоззрении и соответствовал механистической картине мира. Отсутствует вероятностный характер закономерностей и механизмов эволюции: под механическим воздействием внешней среды виды развивают определенные качества и передают их своим потомкам путем механического же изменения органов. Поэтому ламарковская теория, как и вся механистическая картина мира в целом, допускала наряду с эволюционизмом в объяснении непосредственных причин естественно-научных явлений элементы креационизма в объяснении первопричины, первоисточника этих причин. Именно так поступал и Ньютон в своих “Началах натуральной философии”. И это было вполне логично: если мир объяснялся по аналогии с раз и навсегда заведенными часами, нужен был всемогущий Творец, который должен был эти часы завести и следить за исправностью их хода.

Точно так же и у Ламарка предполагается взаимодействие двух типов эволюционных изменений, один из которых механически копирует окружающую среду, действует путем непосредственного приспособления к ней, упражнения или неупражнения органов, а второй находится под действием “внутренних”, идущих от божественного Провидения сил. Творец помогает ходу эволюции, поскольку у научного мышления не хватает объяснительной силы, чтобы отыскать естественные причины объясняемых явлений.

Такие причины были найдены великим преобразователем естествознания Ч. Дарвином. Они заключались в механизме эволюции, движущей силой которой является взаимодействие наследственности, изменчивости и естественного отбора. Именно отбор наиболее приспособленных к жизни существ, обладающих наиболее способствующими осуществлению функций жизнедеятельности признаками, качествами и соответствующими органами, является главным звеном механизма эволюции. Естественный отбор действует по аналогии с искусственным отбором в животноводстве, где отбор особей, обладающих нужными признаками, и обеспечение возможности передачи их через механизм наследования последующим поколениям осуществляется людьми. Механика естественного отбора, как и отбора искусственного, осуществляется не прямо и непосредственно путем наследования благоприобретенных признаков, как у Лафарга, а путем отмирания, отбраковки всего недостаточно приспособленного, несовершенного, непригодного для цели выживания. Выживание через кризисы, отбраковка всего нежизнеспособного посредством смерти, постоянная конкуренция и борьба за существование — таковы, по Дарвину, жестокие, но единственно возможные для жизнеобеспечения условия биологической эволюции.

Такой подход, основанный на огромном фактическом материале, не только обозначил общие закономерности всякой, а не только биологической эволюции, но и имел огромное мировоз-

зренческое значение. Все в мире возникает посредством эволюции; — все, что не эволюционирует, разрушается, — разрушение также есть средство эволюции, высвобождающее ресурсы для новой, более перспективной, жизни. Из дарвиновской теории следуют три чрезвычайно важных мировоззренческих вывода, которые можно, в свою очередь, использовать при анализе исторической, экономической и социальной эволюции:

1) эффективное существование индивида обеспечивает существование вида и поддерживает интенсивность жизни;

2) такая эффективность рождается в постоянной конкуренции, побуждающей каждого участника тренироваться, максимально напрягать и рационально расходовать свои силы и ресурсы;

3) стремясь к повышению эффективности собственного существования, каждый участник жизненной конкуренции отнимает ресурсы у других участников, но общее количество жизненных ресурсов от этого только возрастает.

Последарвиновское развитие биологической теории эволюции шло по линии освоения генетических механизмов эволюции и создания синтетической теории эволюции, в которой на основе современных научных данных был осуществлен синтез дарвинизма, генетики, микробиологии, физиологии, палеонтологии и других биологических дисциплин.

Колоссальный успех биологической теории эволюции привел к многочисленным и многообразным попыткам использовать ее методологию для воссоздания эволюции объектов других научных дисциплин. Вполне развитая теория эволюции Метагалактики имеется сегодня в так называемой стандартной теории современной космологии. Доказательная история Земли развита в теориях тектоники плит и мобилистической модели формирования континентов в современной геологии. Серьезные наработки имеются в “эволюционизации” химической науки.

Гораздо сложнее дело обстоит в постижении эволюционных механизмов социальной сферы — в эволюционном объяснении истории и экономики. Первая попытка объяснения социальной эволюции на основе дарвиновской теории биологической эволюции, предпринятая Б. Спенсером, была неудачной по причине некритического редукционизма, т.е. непонимания особенностей социальных закономерностей в рамках социал-дарвинизма и попытки свести их к биологическим закономерностям.

Марксистское учение внесло значительный вклад в эволюционное объяснение истории, выжив фундаментальную роль экономики и экономического развития в эволюции общественного сознания в целом и его различных форм — политического, правового, религиозного, философского, нравственного. Вместе с тем марксизм абсолютизировал классовую борьбу, приписав ей роль движущей силы общественного прогресса, а соответственно, и возможности революций, определив их значение как локомотивов человеческой истории. Не классовая борьба, доходящая до кровавых столкновений и подрывающая основы всякого общества, а конкуренция между различными сообществами — групповыми, внутриклассовыми, классовыми, хозяйственно-экономическими, этническими, религиозными, государственно-политическими, цивилизационными и т.д. — выступает в качестве движущей силы социально-исторической эволюции и обуславливает общественный прогресс. Кровавые социально-политические революции, возведенные марксизмом на пьедестал в качестве “повивальных бабок истории”, на самом деле играют далеко не однозначную роль в процессе исторической эволюции.

Абсолютизовав резкие социальные изменения, происходящие в период революций, марксисты закрывают глаза на катастрофические разрушения общественного порядка, производительных сил и экономического базиса общества, чудовищный хаос и анархию, массовый террор, которые появляются в результате свержения легитимной власти. Увлеченные идеей радикального переустройства общества, теоретики и практики марксизма игнорируют консервативную составляющую общественного прогресса, преувеличивают созидательную роль насилия, а в конечном счете приходят к аналогии диктатуры, убеждению в плодотворности антидемократических методов управления и общественных порядков, основанных на организованном насилии и вопиющем нарушении прав человека.

Культ революций, обожествление революционных партий и их вождей выводят марксистскую теорию и ее теоретиков за рамки научно-эволюционных концепций, придают им характер креационистско-утопических учений о ходе общественного развития, основанных на представлении о возможности командного управления этим ходом, волюнтаристского разрушения “до основания” всего старого и построения на его месте абсолютно нового, “подстегивания” эволюционных процессов и минования в один момент целых закономерных этапов и фаз эволюционного развития.

Все это, в конечном счете, привело к еще более значительному отставанию России и других стран, принявших марксистские модели развития, от стран с развитой рыночной экономикой, достигших огромных успехов и в сфере демократической организации общества, включавших революционные преобразования общества в ткань непрерывных реформ и мирного, скоординированного перераспределения власти. Тем самым обновление социального организма было вплетено в систему постепенных эволюционных преобразований с сохранением всех жизнеспособных элементов старых социальных, политических и экономических институтов. Можно уверенно утверждать, что сегодняшняя мощь эффективно развивающихся стран достигнута ими прежде всего благодаря разумному использованию ими механизма направленной эволюции, и любая страна, которая не в состоянии выработать наиболее подходящей ее цивилизационным условиям демократически ориентированной модели направленной эволюции, обречена на отставание, неконкурентоспособность и потерю авторитета на международном уровне.

Дальнейшие попытки эволюционного объяснения истории связаны с критическим переосмыслением постулатов марксистской доктрины. Так, французская школа историков, группировавшаяся вокруг журнала “Анналы” и возглавляемая Ролланом Бартом, приняла за основу исторической эволюции изменение менталитета (от фран. слова, обозначающего “способ мышления”, “сознание”). В пику сторонникам ортодоксального марксизма историки “Анналов” утверждали, что менталитет не является фактором общественного сознания, относящимся к надстройке над экономическим базисом, — именно менталитет во многих отношениях определяет ход экономических и социально-исторических процессов. По существу, речь шла о менталитете как об определенном социально-историческом институте, на основе которого процессы общественного сознания приобретают институциональное содержание и переходят в сферу общественного бытия. Выделяя в менталитете того или иного народа такие составляющие, как политический, экономический, правовой, социокультурный менталитет, французские теоретики истории анализировали эволюцию менталитета в целом и каждой из этих составляющих в отдельности.

Во второй половине XX и в начале XXI в. наблюдается рост популярности так называемого цивилизационного подхода. Основателями этого подхода явились русский ученый и публицист-славянофил Николай Данилевский, немецкий философ и культуролог Освальд Шпенглер и английский философ и историк Арнольд Тойнби. В основе этого подхода лежит попытка всеобъемлющего объяснения фактов истории, культуры и социальной сферы в целом, исходя из эволюции самодостаточных, изолированных друг от друга социокультурных образований — культурно-исторических типов или локальных цивилизаций.

Первоначально цивилизационный подход представлял собой очередную попытку применить дарвиновскую теорию биологической эволюции к объяснению эволюции различных обществ, их истории и культуры. Динамика локальных цивилизаций, с точки зрения цивилизационного подхода, объясняется по аналогии с историей развития живых существ: они рождаются, проходят определенный жизненный путь, а затем надламываются, стареют и умирают. После гибели одного поколения цивилизаций ему на смену приходит следующее, более приспособленное к изменившейся исторической обстановке. Общим для сторонников цивилизационного подхода является неприятие европоцентризма, т.е. оценки всех локальных цивилизаций по меркам западной, признание несовместимости социокультурных миров различных цивилизаций, придание определяющей роли в формировании цивилизаций принятым ими религий.

В настоящее время наиболее широкое распространение цивилизационный подход получил именно в России, где его популярность объясняется поиском национальной идентичности, потребностью в создании альтернативы марксистскому формационному подходу, а отчасти — стремлением к созданию новой сильной идеологии, мотивирующей неприемлемость для России западного пути развития вследствие несовместимости цивилизационных основ западной и восточно-славянской цивилизаций. Традиционная для нашего общества подмена идеологией противостояния трезвого и прагматичного теоретического мышления находит новое воплощение в цивилизационном подходе (как в советское время оно находило воплощение в противопоставлении коммунистической и капиталистической формаций). Этому способствуют недостатки классического варианта цивилизационного подхода, заключающиеся в разрыве единой мировой цивилизации на несовместимые и изолированно эволюционирующие локальные цивилизации, преувеличении роли религиозного фактора в их формировании, отождествлении модели исторической эволюции с моделью эволюции биологической и т.д.

В настоящее время назрела необходимость создания современного варианта цивилизационного подхода, построенного на учете взаимодействия трех уровней цивилизационного развития —

глобального, локального и этнического. Игнорирование глобального уровня эволюции цивилизаций в эпоху глобализации экономических, правовых и политических процессов сужает объяснительные возможности цивилизационного подхода, ограничивает возможности его применения. Современные исторические и историко-культурные исследования, опирающиеся на новейшие археологические открытия, расшифровку текстов письменности древнейших цивилизаций, явно не подтверждают тезиса традиционного цивилизационного подхода об изолированном развитии локальных цивилизаций, несовместимости их религиозно-мировоззренческих и культурных кодов. Напротив, локальные цивилизации при более глубоком исследовании обнаруживают все новые органические взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния, они подобны сообщающимся сосудам, культурно-историческое содержание которых находится в состоянии постоянного обмена, диффузии и взаимообогащения.

Фактически в русле цивилизационного подхода была создана концепция объяснения истории российского ученого Льва Гумилева. В ней локальные цивилизации как основные субъекты исторических процессов заменены этносами. Как и локальные цивилизации А. Тойнби, этносы и суперэтносы Л. Гумилева рождаются, достигают вершины своей активности, затем стареют, надламываются и погибают.

Главный вклад Л. Гумилева в эволюционное объяснение истории состоит в концепции пассионарности. Концепция российского историка ценна прежде всего введением энергетического фактора в объяснение исторического процесса. Высокая энергетика пассионариев, заряжающая этнос, рассматривается Л. Гумилевым как источник его повышенной активности и конкурентоспособности на международной арене, в частности — источник успешной завоевательной политики, побед в войнах и т.д. Однако на вопрос об источнике этой энергии Л. Гумилев отвечает в духе естественно-научного редукционизма (т.е. сведения закономерностей более высокой ступени эволюции к закономерностям нижестоящей ступени).

Таким образом, эволюционное объяснение исторического процесса все еще далеко от удовлетворительного состояния. Историческая наука все еще ждет создания теории, которая могла бы предложить достаточно обоснованную модель истории как эволюции человеческого общества. Понятно, что такая модель должна иметь универсально-системный характер (Моисеев, 2001; Чернавский, 2004), т.е. включать рациональные элементы и экономического детерминизма, и цивилизационного подхода, и других упрощенных моделей исторической эволюции.

2. СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

И в современной естественной, и в общественной науке раскрытие сущности эволюционных механизмов, управляющих развитием систем различной степени сложности, осуществляется на основе двух близких по духу и характеру методологии общенаучных направлений — синергетики Г. Хакена и упорядочения хаоса И. Пригожина. Г. Хакен на основе опытов с твердотельным лазером и изучения явлений концепции, при которых когерентные структуры при достижении определенного энергетического уровня перестраивают и упорядочивают молекулы вещества, сделал далеко идущие выводы о самоорганизации как ведущем факторе эволюции природных и общественных систем. И. Пригожин, опираясь на опыты российских ученых В. Белоусова и А. Жаботинского, внес выдающийся вклад в изучение энтропийных процессов в открытых системах и выявил эволюционные механизмы, связанные с образованием порядка из хаоса.

Вскрыв эволюционное значение бифуркации, И. Пригожин значительно углубил научные представления о действии эволюционных механизмов, о предпосылках возникновения революционных ситуаций и других поворотных пунктах истории естественных и общественных процессов.

Одна из первых попыток в отечественной научной литературе применить концепции самоорганизации и упорядочения хаоса к экономической эволюции была предпринята крупным российским методологом науки Г. Рузавиным. В этих концепциях он усмотрел подходы к формированию новой парадигмы экономической науки. Главную трудность в раскрытии механизмов экономической эволюции он увидел в своеобразии этого типа эволюции, в особенностях возникновения спонтанного порядка (Рузавин, 1993, с. 24).

Сходство механизмов рыночной саморегуляции и самоорганизации с саморегуляцией и самоорганизацией в живой природе несомненно. К ним относятся и открытый А. Смитом феномен “невидимой руки” рынка, аналогичный феномену естественного отбора, и наличие отрицатель-

ной обратной связи, кибернетического способа упорядочения, воспроизводящего реагирование биосистем, и ценовое равновесие, напоминающее гомеостаз у млекопитающих, и т.д.

Но экономические системы обладают рядом специфических особенностей, к числу которых относится высокий уровень сложности. «Очевидно, — пишет Г. Рузавин, — чем сложнее система по своей природе, тем более специфический и трудно предсказуемый характер приобретают в ней самоорганизующиеся процессы. Если для простых гидродинамических, метеорологических, физических, физико-химических систем непременным условием возникновения нового порядка и структуры являются, во-первых, открытый характер системы, т.е. обмен веществом и энергией со средой, во-вторых, ее неравновесность и, в-третьих, достаточная удаленность от точки термодинамического равновесия, то для живых и социальных систем добавляется целый ряд дополнительных условий, многие из которых остаются еще не исследованными» (Рузавин, 1993, с. 26).

К числу таких дополнительных условий можно отнести, например, деятельность фирм—инноваторов (по Й. Шумпетеру), разнообразные способы поведения, правила и рутины (по Р. Нельсону и У. Уинтеру), влияние культуры (по К. Эйрсу), социальных систем (по Г. Мюрдалю), крупных корпораций (по Дж. Гэлбрейту), «правил игры» (по Д. Норту и Ф. Хайеку), а также хредные эффекты, эффекты блокировки, революции, бифуркации, криминальное поведение, циклические, системные, структурные и трансформационные кризисы, рождение, жизнь и смерть популяции фирм (по В. Макарову), конкуренцию экономических популяций, макроэкономических генераций (по В. Маевскому), стратегию социально-экономического развития (по А. Аганбегяну), общую кибернетическую теорию рынка и теорию устойчивого развития (по Н. Петракову), учет «институциональных ловушек» (по В. Полтеровичу), базисную роль института собственности и комплекса прав собственности (по Д. Львову—В. Гребенникову), связность преобразования и отражающих их институциональных структур (по Г. Клейнеру), единую теорию оперативной деятельности предприятия, интегрирующую современные перспективные модели анализа и принятий решений (по Е. Попову и А. Татаркину), трансакционные издержки, эффекты несовершенной и совершенной конкуренции, проявления монополии и олигополии, наконец, давление национального менталитета и т.д.

Наиболее важной и существенной для понимания специфики эволюционных процессов в экономической сфере выступает проблема образования спонтанного порядка (на основе самопроизвольного действия рыночных механизмов) и установления организационного порядка (на основе деятельности государственной системы макроэкономического регулирования), а также взаимодействия этих двух форм упорядоченности.

Методологические основы упорядочения экономики при ее переходе от централизованно управляемой к рыночной системе хозяйствования были разработаны в послевоенной Германии блестящей плеядой ученых в рамках концепции ордолиберализма. Теоретические работы и практическая деятельность представителей ордолиберализма В. Ойкена, В. Репке, А. Рюстова, Ф. Белса, Р. Микша, А. Мюллера—Армака стали основой трансформационных реформ канцлера ФРГ Л. Эрхарда, которые вошли в мировую экономическую историю как один из эталонов наиболее успешного выведения страны из системного кризиса и создания эффективно действующей национальной модели хозяйственного развития, обусловившей феномен так называемого «экономического чуда». Другим эталоном общемирового значения явился послевоенный рывок национального рыночного хозяйства Японии.

Развитие общества есть процесс постоянного упорядочения и усовершенствования его институтов. Борьба за существование эволюционирующих сообществ в социальной сфере выражается в конкуренции между институциональными организациями тех или иных человеческих сообществ — социальных групп, этносов, государственных образований, локальных цивилизаций.

Институты, институциональные организации и структуры складываются на всех этапах общественного здания, они функционируют во всех разнообразных сферах социального организма. Но наиболее глубокое и разностороннее исследование они получили в экономической науке благодаря деятельности ученых-институционалистов. Ни в политологии, ни в юридической науке не возникло институциональной школы, хотя к этой школе в экономической науке пришло немало видных юристов и правоведов. И это не случайно. Один из важных аспектов своеобразия экономической эволюции заключается в кажущейся независимости эволюционных процессов от сложившихся в обществе институтов, в возможности относительной эмансипации деятельности экономических субъектов в рыночной среде от воздействия институтов. Однако экономическая эволюция как раз и выражается в конечном счете в эволюции институтов, и даже «невидимая рука» рынка в условиях современной конкуренции есть не что иное, как социально-

экономический институт, а не природный процесс, аналогичный естественному отбору. Он выражает и обеспечивает социально-экономические, а не биологические отношения.

Исследования в сфере политологии, истории права, разнообразных отраслях юридических наук также постоянно направлены на изучение политических и правовых институтов. Этика изучает моральные институты, а культурология — культурно-цивилизационные. Историческая наука занимается главным образом изучением эволюции политических и других социальных институтов, а также субъектов, участвовавших в их организации и функционировании. Но ни в одной из этих наук нет разносторонне разработанной институциональной теории, сопоставимой с той, которая развивается институциональной школой в экономической науке.

В научной литературе определений институтов имеется почти столько же, сколько определений культуры (специалисты считают, что число последних превышает 1500). В определениях институтов можно выделить прежде всего “идеалистические” и “материалистические”. Первые из них сводят понятие институтов к субъективным аспектам деятельности, включая нормы, правила, убеждения, взгляды, предпочтения, ориентации, рутины и т.д. Вторые понимают под институтами главным образом объективно реальные общественные установления, образования и организации. Существует и компромиссная точка зрения, сторонники которой называют последние собственно институтами, а первые — институциями. Мы разделяем именно эту точку зрения, поскольку объективно реальный характер институтов и субъективно реальный характер институций, их отнесение к феноменам общественного сознания представляется нам вполне обоснованным.

Так, В. Розенталь относит к институциям “обычаи, традиции, условности, нормы и кодексы поведения и тому подобные символы и атрибуты общества, удостоверяющие принадлежность к нему” (Розенталь, 2000, с. 159). Институции, по В. Розенталю, не требуют организационного или материального носителя, поскольку относятся к явлениям символического ряда.

Наряду с институтами и институциями автор выделяет еще и институциональные акты, содержанием которых является нормативное регулирование экономического поведения (Розенталь, 2000, с. 159–160). Институциональные акты представляют собой, таким образом, материально-знаковое закрепление институтов, принятое на основе идеальной деятельности представителей законодательной, исполнительной и судебной власти.

Широкое распространение в научной литературе получило понимание институтов как своего рода границ, рамок, разграничений между формами деятельности и интересами субъектов. Так, А. Олейник определяет институты как “совокупность формальных, фиксируемых в праве, и неформальных, фиксируемых в обычном праве, рамок, структурирующих взаимодействия индивидов в экономической, политической и социальной сферах” (Олейник, 2000, с. 188).

Иной точки зрения придерживается Г. Клейнер. “Часто для визуальной характеристики понятия института, — пишет он, — используют образ перегородки, забора, который разделяет открытое пространство на подпространства ... По нашему мнению, такой образ не отвечает понятию института во всей его полноте. В каждый конкретный период появление того или иного общественного института соответствует не столько строительству новой перегородки или барьера, сколько прокладыванию через пересеченную местность дороги, позволяющей при желании беспрепятственно двигаться в нужном направлении ...” (Клейнер, 2001, с. 13). Трудно не согласиться с Г.Б. Клейнером в том, что “двигательная” функция институтов является ведущей, а охранительная, разграничительная — вторичной, производной. Лишь когда прогрессивное развитие объекта сменяется фазой упада и деградации, охранительная, оградительная функция институтов выходит на первый план, а институциональные барьеры перекрывают пути движения вперед и осуществления назревших инноваций во всех областях социальной жизни, включая и экономику.

Специфика экономики как сфера общественной эволюции состоит прежде всего в том, что эта сфера характеризуется созданием и распределением материальных носителей культуры, без которых невозможны физическая и духовная жизнь человека, само существование и функционирование цивилизации. В сфере экономики человек добывает себе средства к существованию и все ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения его и человеческой цивилизации в целом.

Выступая как материальный базис эволюции и развития общества, экономика в свою очередь зависит от эволюции других сфер социальной жизни, особенно от политики и права. Политические институты не только регулируют развитие экономики, они непосредственно создают и поддерживают экономические и правовые институты, в рамках которых протекает экономическая эволюция.

Экономика как сфера материально-цивилизационного развития по своим эволюционным механизмам оказывается наиболее близкой к биологии вследствие подобия отношений жизнеобеспечения в природе и обществе, в основе которых лежит конкуренция за жизненные ресурсы. Хозяйственная деятельность человеческих сообществ в сфере экономики представляет собой социальный аналог жизнеобеспечивающей деятельности биосистем в живой природе.

Все это предрасполагает аналитиков к проведению прямых аналогий в объяснении эволюционных процессов, а именно, к принятию точки зрения, которая в философской методологии получила название редуccionизма (от лат. *reductio* – сокращаю, свожу), т.е. объяснения более высоких уровней эволюционного развития на основе закономерностей более низких ступеней эволюции. Однако некритический редуccionизм может привести к серьезным заблуждениям и прежде всего к так называемому социал-дарвинизму, т.е. игнорированию принципиальных различий социального типа взаимоотношений, взаимопомощи, а главное – эволюционной роли цивилизации и культуры. Экономическое развитие создает последовательно более развитую цивилизацию и тем самым все более отдаляет человека от животного мира.

В человеческом обществе благодаря цивилизационному перераспределению ресурсов выживают ослабленные и больные, утратившие самостоятельную способность к выживанию особи. Это должно было бы, препятствуя естественному отбору, с каждым поколением ухудшать генофонд человечества с учетом того, что ничто не препятствует нежизнеспособным людям вступать в сексуальные связи и оставлять потомство. Однако в реальности этого не происходит, поскольку биологический отбор и отсеивание непригодных к эволюции субъектов дополняется цивилизационным отбором и отсеиванием, включая экономическую “селекцию” (так как для создания семьи и выращивания потомства необходим некий минимум материальных средств).

Но главное заключается в неизмеримо возросшей по сравнению с животным миром способности человека к самосовершенствованию, охватывающей усовершенствование как биологических, так и социальных качеств. Именно она позволяет человеку, ощущающему себя “гадким утенком” биологической эволюции, путем целенаправленных трудовых усилий, вложенных в самого себя, становиться в конечном счете “лебедем” социальной (и экономической) эволюции, приобретать и биологическую приспособленность развивать определенные физические качества и т.д.

Эволюция рода *homo sapiens* пошла не по линии изменения видовых признаков, которые остаются практически неизменными в течение примерно 40 тыс. лет (с момента перехода от так называемого неандертальского антропологического типа к кроманьонскому), а по линии развития цивилизационных признаков, цивилизации как “неорганического тела” человечества. Соответственно конкуренция за выживание и рождение потомства, сохраняя свое значение в отношениях индивидов, трансформируется в человеческом обществе в конкуренцию за выживание между разнообразными организованными сообществами людей. На месте видов и популяций животного мира оказываются именно устойчивые сообщества – государства, народы, локальные цивилизации и т.д. Конкуренция между ними порождает политические конфликты, столкновения, завоевания и т.д. В сфере экономики в конкуренцию вступают различные экономические субъекты – физические и юридические лица, фирмы, компании, корпорации и т.д. Они тоже образуют своеобразные “популяции”, “виды” и т.д., распределяются по отраслям деятельности.

В рыночной среде, как и в социальной среде в целом, естественный отбор дополняется искусственным отбором, выживанием не только наиболее приспособленных, но и получающих помощь со стороны социальных институтов. В экономике, как и в социальной сфере в целом, дарвиновские законы эволюции существуют с ламарковскими и дополняются ими. Это происходит потому, что описанный механизм биологической эволюции Ламарк привнес в биологию из социальной сферы. Не в природе, а именно в обществе приобретенные признаки наследуются в виде социального опыта, институциональных структур, национально-культурных особенностей, цивилизационных образований, прямой передачи унаследованных материальных ценностей и денежных ресурсов от представителей старших поколений более молодым. Не меньшее значение имеет наследование духовных ценностей, культурных традиций, религиозных верований, мировоззренческих и нравственных принципов, причем все это оказывает влияние и на экономику. Невозможно унаследовать мощные бицепсы, но можно унаследовать предрасположенность к их развитию в строении костей, а главное – традицию, предрасполагающую к регулярным тренировкам. Точно так же невозможно унаследовать через биологические гены предпринимательские способности, интеллект или такие моральные качества, как добросовестность, честность, трудолюбие, законопослушание, любовь к порядку. Но социальные “гены” этих качеств, столь необходимых во всех видах хозяйственной деятельности, в тех или иных пропорциях развиваются в

любом обществе, закрепляются в институтах, культуре, менталитете и передаются по наследству последующим поколениям. Воспитание может неэффективно прививать эти качества, если они не распространены достаточно широко в социальной и экономической генетике данного общества. К сожалению, в постсоветской России и других странах СНГ наблюдается явный дефицит этих качеств и этих генов, что и обуславливает в значительной мере продолжительность и остроту трансформационного кризиса.

Всякое “экономическое чудо” начинается с накопления этих качеств в социальной генетике и заканчивается вследствие обеднения общественных генов этих качеств, их перехода, выражаясь языком биологической генетики, из доминантного состояния в рецессивное. Успех или неуспех всяких реформ зависит поэтому не только от конкретных мер, направленных на изменение экономических условий, “правил игры”, регулирующих механизмов, но и от того, как эти изменения впишутся в социальную генетику, доставшуюся в наследство от недавнего прошлого. Можно очень быстро построить институты-учреждения, нанять персонал, пригласить квалифицированных специалистов, и институты заработают. Но то, как они будут работать, и конкретные результаты их деятельности, зависит не только (и не столько) от воли и желания их создателей, но и от объективно данного состояния субъективных ориентаций людей, обусловленного в конечном счете всей совокупностью социально-экономических отношений. Эта совокупность, включающая социальную генетику, формируется только эволюционно и не терпит никаких революционных подстегиваний, реагируя на них жесточайшими кризисами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходная экономика резко отличается от развитой рыночной прежде всего парадоксальностью эволюционных процессов, способностью реагировать на обычные для рыночной экономики регулирующие воздействия негативным образом, — полностью противоположно тем позитивным реакциям, которые ожидаются от этих воздействий и осуществляются при регулировании нормальных рыночных процессов. Этот аспект эволюции переходной экономики глубоко вскрыт С. Глазьевым в статье (Глазьев, 2000). Критикуя либеральную доктрину, лежавшую в основе политики российских реформ, С. Глазьев отмечает, что практически все меры государственного регулирования вызывают нежелательные реакции парадоксальной рыночной среды. Так, снижение регулирующего воздействия государства на рынок приводит не к стимулированию конкуренции, а к росту криминализации и сговору субъектов хозяйственной деятельности для взвинчивания монопольных цен. Ограничение денежной эмиссии вопреки рецептам монетаристов приводит к росту процентных ставок и инфляции издержек, а не к подавлению инфляции. Приватизация провоцирует присвоение и растаскивание бесхозной собственности, но не приводит, как ожидалось, к повышению эффективности производства (Глазьев, 2000, с. 23).

А. Олейник справедливо считает дефицит права одним из сильнейших сдерживающих факторов эволюции переходной экономики. Он выделяет такие аспекты “бездействия права”, как недостаточное обеспечение судебной защиты кредиторов при нарушениях долговых обязательств, уклонения от уплаты налогов, коррупция государственных чиновников, криминализация экономики и т.д. Причиной дефицита права является хаос в институциональной эволюции переходного общества. “Только на основе построения институтов демократического общества, — отмечает он, — может быть ликвидирован дефицит права. Только это позволит в дальнейшем придать рынку в России цивилизационный характер и обеспечить стабильное социально-экономическое развитие” (Олейник, 2000, с. 45).

Общая позиция сторонников институционально-эволюционного подхода в отношении дальнейшего хода российских реформ и выхода из затянувшегося кризисно-депрессивного состояния заключается в необходимости дополнить методы государственного регулирования, применяемые в настоящее время, системой институционального регулирования, нацеленной на преодоление разрывов в институциональном каркасе экономики, создание цельной и непротиворечивой институциональной организации, способной к саморегулированию и самоэволюции. Так, по мнению А. Нестеренко, текущая экономическая политика в России обладает низкой эффективностью по причине ее отрыва от реального состояния институциональной организации, которая остается эклектичной, противоречивой и парадоксально сочетает рыночные и административно-распределительные институты. Как подчеркивает А. Нестеренко, текущее регулирование “может привести к улучшению некоторых показателей или решить частные проблемы, но не может вывести страну из депрессии” (Нестеренко, 1996, с. 24). Лишь оптимальное сочетание текущего регулирования с культивированием эффективной и непротиворечивой ин-

ституциональной системы может дать импульс к подлинно системным преобразованиям и долгожданному оживлению экономики.

В отличие от ряда других неоинституционалистов А. Нестеренко не разделяет резкого противопоставления институционального подхода и неоклассической теории экономикса. Он считает лишь, что экономикс базируется на упрощенной картине экономической жизни – на научной абстракции, полученной путем представления рыночных процессов в чистом виде и отвлечения от социально-экономических институтов, которые на практике создают сильнейшее “трение” при практическом применении такой теории. Именно этот процесс имеет место в переходной экономике России, где политика финансовой стабилизации, осуществляемая методами монетарного регулирования, не приносит ожидаемых результатов вследствие специфического состояния рыночных институтов (Нестеренко, 1996, с. 25).

Спор между сторонниками институционально-эволюционного подхода и представителями неоклассической школы экономикса перетекает, таким образом, из сферы теории в сферу практических действий, связанных с регулированием трансформационных процессов. Институциональное реформаторство в переходной экономике занимает ведущее положение в экономической эволюции по отношению к текущему регулированию. Это происходит вследствие неразвитости рыночных институтов, недоразвития системного единства в институциональной организации экономики.

В высокоразвитой институциональной системе рыночной экономики практическая сторона институционально-эволюционного подхода оказывается как бы в тени практических задач, связанных с текущим макроэкономическим регулированием. Происходит это потому, что институты в развитой рыночной экономике, функционируя в единой связке с демократическими институтами, отлажены настолько, что их даже и не замечают, отвлекаясь от них в экономических теориях, обосновывающих ту или иную методологию регулирования. Поэтому по отношению к институционализму со стороны соперничающих с ним школ кейнсианцев и монетаристов часто слышатся упреки в отсутствии возможности практически применить его теоретические положения.

Действительно, институционально-эволюционный подход выступает в современной экономической теории в качестве законного наследника классической политической экономии, которая стремилась объяснить протекающие в экономике процессы, но не претендовала на выработку практических рекомендаций для повышения их эффективности (Нуреев, 2001; Сухарев, 2001).

Современная теория экономикса также является наследницей классической политической экономии – представителем неоклассической школы. Она видит свое коренное отличие от классики именно в том, что последняя объясняла экономику, но не работала в ней, тогда как экономикс от самых своих фундаментальных оснований и до текущих методологических выводов – работающая теория: она объясняет процессы лишь для того, чтобы действовать – оптимизировать экономические отношения и процессы. Причем оптимизировать именно эволюционным путем, не нарушая естественный ход этих процессов, не вмешиваясь в их самостоятельное протекание, регулируя среду, обстановку и механизмы действия самих процессов. Таким образом, эволюционный потенциал экономикса отнюдь не меньше, чем эволюционно-институционального подхода. Они отнюдь не являются антиподами в объяснении эволюционных процессов, но взаимно дополняют друг друга, охватывают различные ярусы экономической эволюции. Экономикс абстрагируется от характера и содержания экономических институтов, т.е. от глубинного, сущностного слоя экономической эволюции, но он может сделать это без заметных промахов в практических рекомендациях лишь постольку, поскольку в развитой рыночной экономике эти институты достаточно отлажены, выстроены и продолжают регулироваться на базе институтов политической демократии.

В переходной же экономике экономическая эволюция стопорится именно вследствие отсутствия отлаженности, отработанности, выстроенности институциональной системы, включая и институты политической демократии. В этих условиях институционально-эволюционный подход может проявить свой практический потенциал и обрести наивысшую работоспособность.

Эволюционный путь в развитии рыночных институтов требует определенного изменения и некоторых укоренившихся традиций российской государственности и даже всей восточно-славянской цивилизации, в которой государство постоянно играло роль строителя институтов и заставляло своих граждан подчиняться этим институтам в соответствии с требованиями построенной по военному образцу дисциплины.

Эволюция рыночных институтов требует эволюции роли государства в экономике. Создаваемые по инициативе государства институты должны органично “прорасти” через эволюцию бизнеса, содействовать его развитию и перевоплощаться через его интересы, цели и естественно возникающие тенденции. Поэтому фундаментальным институтом на пути эволюционного создания рыночных институтов выступает всесторонняя и чрезвычайно активная поддержка государством отечественного бизнеса, ориентация деятельности всех государственных органов и институтов.

Именно через активизацию предпринимательской деятельности можно реализовать другой фундаментальный институт рыночной экономики – частную собственность, формальные предпосылки которой были заложены кампанией форсированной приватизации 1990-х годов (Махмудова, 2002). Но это отдельная большая тема.

Сегодня Россия (и другие страны СНГ) стоит перед выбором новой стратегии реформ, связанной с более полным учетом российских реалий, проработанием реформ вглубь и наведением порядка в экономике. Небывалый кризис со временем может подготовить небывалый подъем, как это уже не раз случалось в истории России.

Но этот подъем может иметь место лишь при соблюдении ряда условий, основанных на международном опыте не в меньшей степени, чем использование монетаристских методов антикризисного регулирования.

Первым таким условием является создание максимально благоприятного климата для осуществления всех видов предпринимательской деятельности. В этом отношении Россия с ее необъятными просторами и природными ресурсами может и должна стать аналогом Америки. Нужно думать не о том, почему Россия не Америка, а о том, как обрести возможности, позволяющие развиваться не хуже США. А секретом всех успехов США являются свобода предпринимательства и партнерские отношения предпринимателей с государством. Пока в России предприниматели останутся в тисках бюрократических структур, кризисное прозябание российской экономики будет продолжаться бесконечно. В этом и состоит главная ошибка текущего периода российских реформ: даже приватизация была направлена не на высвобождение предпринимательской активности и формирование мощного предпринимательского слоя, а на бюрократическое перераспределение собственности от государства номинальным акционерам. Предприятия остались без предпринимателей – во власти бюрократизированных директоров, зависнув между государственными организациями и акционерными корпорациями. Лишь бизнес-ориентированное преобразование всей экономической политики может дать первотолчок к выходу России из числа экономических аутсайдеров и перехода ее в число одного из лидеров глобальной экономики.

Второе условие заключается в переориентации экономической политики на скоординированную государством экспансию российских производителей для завоевания внешних рынков. Эта экспансия должна направляться (по аналогии с военной кампанией) на наиболее перспективные направления. Опыт Японии и новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии показывает, что именно ориентация на завоевание внешних рынков поднимает боевой дух предпринимателей, способствует принятию ими новаторских стратегий, использованию последних достижений науки и техники, постоянному обновлению научно-технического базиса производства и на этой основе – резкому повышению конкурентоспособности своих предприятий на мировом уровне.

Третье условие – предпочтение наукоемких технологий перед материало- и энергоемкими. В современном мире главный ресурс производства – инвестиции в него научного разума. Компьютерное оснащение и высокие технологии являются первоисточником победы в международной конкуренции. На мировых рынках, как правило, побеждает тот, кто больше вкладывает во внедрение научных достижений и рациональную организацию их использования.

Четвертое условие – развитие экономической пассионарности и ее распространение на широкие массы населения. Этот термин, предложенный российским историком Л. Гумилевым для объяснения военно-политической экспансии этносов, подходит и для объяснения возможностей экономической экспансии. Россиянам предстоит преодолеть вызванный кризисом комплекс экономической неполноценности и поверить в то, что Россия может и должна стать лидирующей экономической державой, мобилизовать и сконцентрировать для этого свои усилия.

Пятое условие, вытекающее из вышеописанного первого, состоит в освобождении предпринимателей от бюрократической опеки и непосильного налогового бремени. В связи с этим можно предложить оригинальную схему антикризисного регулирования. В период кризисного спада мы считаем целесообразным заменить большую часть налогообложения наиболее перспективных для прорывов на внешние рынки предприятий доходами государства на капитал, вложен-

ный в эти предприятия путем покупки акций. Для этого целесообразно основать Государственный резервный фонд. Средства этого фонда будут образованы за счет повышения налогов в периоды подъема, что позволит “охлаждать” экономику на стадии чересчур бурного развития, чреватого перепроизводством. На стадии спада эти средства понадобятся для “разогрева” экономической активности путем влияния государственных капиталов. В конечном счете, может произойти частичная замена принудительно взимаемых налогов государственными доходами от участия в акционерном капитале. Возможно, это упрочит партнерские отношения предпринимателей с государством и станет шагом к безналоговой экономике будущего.

Шестое условие заключается в том, что российская экономика должна быть переориентирована на вхождение в глобальную экономику, создав для этого мощную интеграционную базу на добровольной, демократической и рыночной основе в масштабах СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И.** (2000): Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения. В кн.: «*Эволюционная экономика и “мэйнстрим”*». М.: Наука.
- Аганбегян А.Г.** (2004): Социально-экономическое развитие России. М.: Дело.
- Блауг М.** (1994): Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд.
- Глазьев С.Ю.** (2000): Экономическая политика в контексте эволюционного подхода // *Экономическая наука современной России*. Экспресс-выпуск № 1(5).
- Гумилев Л.** (2003): Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис Пресс.
- Дьяконов И.М.** (1994): Пути истории. От древнего человека до наших дней. М.: Восточная литература.
- Зоидов К.Х.** (2003): Экономическая эволюция и эволюционная экономика. М.: ИПР РАН.
- Зоидов К.Х.** (2004): Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // *Экономика и мат. методы*. Т. 40. № 3.
- Зоидов К.Х.** (2005): Уроки трансформационного кризиса // *Экономическая наука современной России*. № 4.
- Клейнер Г.Б.** (2001): Особенности процессов формирования эволюции социально-экономических институтов в России. М.: ЦЭМИ РАН.
- Клейнер Г.Б.** (2004): Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.** (2005): Основание синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига.
- Костюк В.Н.** (2001): Теория эволюции и социоэкономические процессы. М.: Эдиториал УРСС.
- Костюк В.Н.** (2004): Нестационарные экономические процессы. М.: Эдиториал УРСС.
- Лукинов И.И.** (2002): Эволюция экономических систем. М.: Экономика.
- Львов Д.С.** (2002): Экономика развития. М.: Экзамен.
- Маевский В.И.** (1997а): Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня.
- Маевский В.И.** (1997б): Эволюционная теория и макроэкономика // *Вопросы экономики*. № 3.
- Маевский В.И.** (1999): Эволюционная теория и неравновесные процессы (на примере экономики США) // *Экономическая наука современной России*. № 4.
- Макаров В.Л.** (1995): Эволюционная экономика: некоторые фрагменты теории. В сб.: “*Эволюционный подход и проблемы переходной экономики*”. М.: ИЭ РАН.
- Макаров В.Л.** (1997): О применении метода эволюционной экономики // *Вопросы экономики*. № 3.
- Махмудова Л.Ш.** (2002): Совершенствование системы экономико-правового регулирования и управления процессом становления и развития института частной собственности в России. М.: ИПР РАН.
- Моисеев Н.Н.** (2001): Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.** (2000): Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ.
- Нестеренко А.Н.** (1996): Экономический рост на основе институциональных изменений // *Вопросы экономики*. № 7.
- Нестеренко А.Н.** (1997): Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // *Вопросы экономики*. № 3.
- Нестеренко А.Н.** (2002): Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС.
- Норт Д.** (1997): Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: ФЭК “Начало”.
- Нуреев Р.М.** (2001): Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: ИНФРА-М.
- Олейник А.Н.** (2000): Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М.

- Петраков Н.Я.** (1998): Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика.
- Полтерович В.М.** (2000): Институциональная динамика и теория реформ. В кн.: «*Эволюционная экономика и “мейнстрим”*». М.: Наука.
- Попов Е.В., Татаркин А.Н.** (2003): Миниэкономика. М.: Наука.
- Портер М.Е.** (2001): Конкуренция. М.: Вильямс.
- Пригожин И.** (2001): Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ “Регулярная и хаотическая динамика”.
- Пригожин И., Стенгерс И.** (1986): Порядок из хаоса. М.: Прогресс.
- Пригожин И., Стенгерс И.** (2000): Время, хаос квант. К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС.
- Розенталь В.О.** (2000): Институциональные факторы развития российской экономики. В кн.: «*Эволюционная экономика и “мейнстрим”*». М.: Наука.
- Рузавин Г.** (1993): Самоорганизация и организация экономики и поиск новой парадигмы экономической науки // *Вопросы экономики*. № 11.
- Сухарев О.С.** (2001): Институциональная теория и экономическая политика (К новой теории передаточного механизма в макроэкономике). Кн. 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. М.: ИЭ РАН.
- Тойнби А.Дж.** (2001): Постижение истории. М.: Рольф.
- Тойнби А.Дж.** (2002): Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф.
- Хакен Г.** (1985): Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир.
- Чернавский Д.С.** (2004): Синергетика и информация (динамическая теория информации). М.: Эдиториал УРСС.
- Шумпетер Й.А.** (1982): Теория экономического развития. М.: Прогресс.

Поступила в редакцию
10.05.2006 г.

The Evolutional Approach and its Means for the Development of the Economic Science in Post-Soviet Countries

K. Kh. Zoidov

In this scientific work the author discusses the problems of using the evolutional approach to the problems of modern practice of market transformations and its means for the development of the economic theory in Commonwealth of Independent States (CIS). He showed that in transitive economy only the competition in all spheres of management creates a lot of disbalances. The conclusions and propositions of perfection system of anti-crisis regulation in the modern period were drawn.